

ДИАЛЕКТИКА АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Папуча Николай Васильевич¹

¹ Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и практической психологии, Нежинский государственный университет имени Н.В. Гоголя, г. Нежин (Украина)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5264-3241>
Researcher ID: S-1087-2018

UDC: 159.95

АНОТАЦІЯ

В статье рассматривается сложное взаимодействие абстрактного и конкретного в научных идеях Л.С. Выготского. Доказываются преимущества «анализа по единицам» ввиду того, что «единица» (в отличие от элемента) содержит в себе в доступной для изучения, наипростейшей форме всё то, «разворачивание» чего (мысленное, на основании научных фактов полученное) позволяет получить истинно конкретное знание. Предполагается, что задача (сверхзадача) культурно-исторической теории Л.С. Выготского – построение (разворачивание) конкретной психологии человека как модуса («единицы») субстанции. Описываются методологические принципы монизма, индетерминизма и системности как основополагающие в психологии. Показано, что межфункциональные психологические системы включают в себя не только составляющие высших психических функций, но и натуральные функции, биологические и культурные, т.е. – все, что входит в понятие «психологическая жизнь человека». Систем много, но они объединены между собой, и с появлением мышления в понятиях образуют смысловую динамическую систему. Отмечается, что отношение охватывает всю личность, оно постоянно изменяется по содержанию и оно-то и есть главный ключ к пониманию человека.

Ключевые слова: абстрактное, конкретное, диалектика, система, индетерминизм, культурно-историческая теория, Л.С. Выготский.

Постановка проблемы. Данная статья – попытка доказать, что теория Л.С. Выготского – не исторический памятник, а – психология будущего.

Конечно, высказанное здесь – субъективно, но оно опирается на работы Л.С. Выготского, его учеников и, главное, на философию, которая *молча* пронизывает всё учение Л.С. Выготского и является его действительной основой – сложнейшая философия Спинозы. Мы старались, как могли, игнорировать многочисленные, часто до бесстыдства доходящие, спекуляции...

И ещё – в работе мало цитат (не следует «выдергивать по нитке» цитаты классиков), но много имён (желающим представляется право самим работать с текстами, вместо проявлений демонстративности).

Одной из наиболее распространенных ошибок оценки творчества Льва Семеновича (мы об этом уже писали) является представление, что он «разбрасывал» драгоценные искорки гениальных идей в разных областях психологии, но так и не успел построить законченную теорию. А ошибка происходит от того, что мы думаем *не так*, как думал Выготский. Несмотря на все методологические заверения, мы остаемся дуалистами и эмпириками «от Декарта» в реальном деле...

Отсюда возникает еще одна ошибочно поставленная (а потому – нерешаемая) проблема – какой труд Л.С. Выготского считать главным? Неверно поставленная проблема, как известно из диалектики, приводит к появлению целого сонма неверных версий.

Address for correspondence, e-mail: editpsychas@gmail.com
Copyright: © *Mykola Papucha*

This is an Open Access journal, all articles are distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/>), allowing third parties to copy and redistribute the material in any medium or format and to remix, transform, and build upon the material, provided the original work is properly cited and states its license.

А нет такого труда у Льва Семеновича, вернее, все (без исключения) его работы – *главные*. Потому что все они посвящены рассмотрению одной единственной проблемы – пониманию сути конкретной психологии человека (так названа его ненаписанная книга и теперь ясно, почему она не написана, ведь это – «бесконечная книга»). И здесь же мы встречаемся с фундаментальным философским понятием, без понимания которого Выготского даже не надо пытаться понять. Это понятие всегда и во всем было центральным для него, это понятие, органически соединяющее в себе «теорию» и «практику»...

Это есть понятие «конкретное».

Приходится делать краткий философский экскурс, ибо здесь – ключ ко всей теории Льва Семеновича.

Конкретное в диалектике есть далеко не то же самое, что единичное. Конкретное – единство многообразного, единство сложное, противоречивое, гетерогенное и связанное нелинейной логикой. Единичное передается по некоторым *общим* и *раздельным* принципам, одновременно соединяющим и разъединяющим некоторые объекты (человек единичен среди всех людей и общий с ними, в отличие от других объектов – животных, растений, неживых предметов). Единичное может быть чем-то, действительно, одним (простым) или простой суммой разного (сложным). Но сложность эта, если ее разделить по этим случайным признакам, как таковая, реальная сложность, понята быть не может. Потому что она собрана не по истинной природе своей, а по случайному положению-точке, в которой находится наблюдатель. Все зависит от этой точки и от задачи наблюдателя.

Конкретное не зависит от наблюдателя. Оно представляет собой уникальность, но уникальность, естественную для себя, для своей природы. Так понятное конкретное и есть фактически «абстракция абстрактного», т.е. – всеобщее. В отличие от общего (абстрактного), которое релевантно единичному, отдельному. Фактически, диалектика определяет процесс научного познания как движение от *абстрактного* (единичного, простой случайной суммы единичного) к конкретному в полной и реальной своей уникальности (всеобщему). Именно эта философская истина была

ведущей для Выготского, именно на ней он выстроил свою методологию конкретной науки (См. «Исторический смысл психологического кризиса», 1927 (Выготский, 1982)) и придерживался неукоснительно всю свою короткую жизнь.

Собственно, это – главное, что мы хотим сказать: не устроить ликбез по философии познания, а подчеркнуть основное в творчестве Льва Семеновича – он создавал науку, четко опираясь на философию и методологию, не отходя от этого ни на шаг. Это – редкое явление в психологии.

Этот метод «восхождения» пронизывает и объединяет (!) все творчество Л.С. Выготского. Он конкретизирует предмет психологии (сначала отделяет его от «психики», «сознательного», «бессознательного»). Вводятся «единицы анализа». Он четко придерживается принципа историзма (развития), причем до такой степени четко, что любое психологическое он называет словом «функция», придавая, тем самым, динамизм всем явлениям. Выготский реально внедряет в психологию идею системности, именно в поисках того содержательного *конкретного*, которое является «клеточкой» психологического. Наконец, он завершает свой путь, принципиально и смело меняя содержание термина «переживание», и, с другой стороны, – заявляя, что центральной проблемой психологии есть *свобода*.

Рассмотрим это конкретнее.

Писать об Л.С. Выготском очень трудно по ряду причин, главная трудность состоит в том, что психология Л.С. Выготского была, есть и будет ещё долго подлинным узловым пунктом *всей* психологии. Поэтому анализ его системы невозможен вне знания и привлечения трудов подлинно бесчисленного количества ученых. Далее, следует своеобразно преодолеть марксизм: философия, лежащая в основе психологии Л.С. Выготского – это философия Спинозы плюс те действительно ценные мысли Гегеля, Маркса, Энгельса, с которыми очень аккуратно работал Выготский. Сюда же следует добавить и религию: Л.С. Выготский до революции был глубоко верующим человеком (Л.С. Выготский: начало пути..., 1996), и его «срочное» превращение в атеиста-материалиста, конечно, не могло задеть глубоких слоев его личности... Между тем, он и

это поставил на службу психологии.

Очень крупным недостатком работ о Л.С. Выготском в целом, отношения к нему как ученому и практику, является, во-первых, полное забвение того, что он-таки был практиком, более того, он создал систему психологических практик в Союзе¹.

Во-вторых, исследователи, деля эту десятилетнюю жизнь в большой науке на какие-то вымышленные «периоды», совершенно не хотят видеть его науки как системы (которая началась Гамлетом и закончилась им). Нет, на самом деле, никаких «периодов» в этом искрометном творчестве — есть упорная и кропотливая работа создания системы психологии, краеугольным камнем которой («который презрели строители») была практика и философия Спинозы.

В-третьих, слишком вольная и неадекватная трактовка основных положений теории, более того, полное забвение его творчества — забвение *реальное*, а не на словах. В России любят говорить фразу «Выготский это наше всё». На самом же деле, его творчество знают буквально считанные люди, да и то — по кускам и вовсе не в контексте современной и будущей психологии. Превращать Л.С. Выготского в такой себе памятник — самая худшее, что могло произойти...

Пока этого ещё, слава Богу, нет. Есть нелепые истолкования и спекуляции, и это, как ни странно, лучше, чем «памятник». Спекуляций мы трогать не будем (они — на совести авторов), а вот о нелепостях следует сказать.

О первой уже сказано: вопреки убеждениям многих (особенно, западных) исследователей, Л.С. Выготский марксистом не был. Да, он с уважением относился к Марксу и Энгельсу, но только в рамках своих задач. Есть и необходимые большевикам натяжки, но они прекрасно видны и их очень немного.

Второе. В советской психологии сложилось очень устойчивое мнение о такой себе неразрывной паре авторов теории деятельности: Выготский-Леонтьев. Оно, увы существует и поныне... На самом деле, Л.С. Выготский не был и не мог быть соавтором, тем более, родоначальником, *непсихологической* теории

в психологии. Разрыв с А.Н. Леонтьевым произошёл, как нам кажется, потому, что он (Леонтьев) был-таки вульгарным материалистом и считал, что действие порождает мышление и сознание. Выготский защищал обратную логику и требовал продолжения исследования мысли, речи, значений, смыслов... Разумное действие (свободное), по его мнению, зигзагообразно (по Спинозе (Спиноза, 2019)): аффект (потребность) порождает неразумное, неосмысленное действие, которое встречается с объектом, изучает («ощупывает») его и возвращается в виде рефлексии, превращается в разумное, т.е. о-смысленное, порождает смысл, т.е. фактически мысль первична. Это еще очень грубо, и Выготский это понимал, и решил проблему. Он никогда не говорил о «ведущей деятельности», наоборот, в частности, об игре он написал, что это не ведущая деятельность дошкольника, а главная форма его активности (Выготский, 2001). Нет у него ничего и об учебной деятельности etc. В общем, неправильная трактовка касается не только деятельности и имеет во всех проявлениях свой корень, об этом чуть позже.

Анализ последних исследований и публикаций. Необходимо, для понимания творчества Выготского, актуализировать философию отношения абстрактного и конкретного. Э.В. Ильенков писал: «Термин «конкретное» в его первоначальном латинском значении означает попросту «нечто сложное, составленное, сращенное, смешанное» (Ильенков, 2019, с. 32). Он посвящает диалектике абстрактного и конкретного самую большую (и ключевую) свою работу. Показывает, как в истории получилось, что термин потерял своё значение и стал означать нечто простое и отдельное; что абстракция лежит не в конце мыслительной деятельности, а в начале её. Работа так и называется «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Мы не можем здесь анализировать весь ход мыслей видного философа, отметим только, что работа эта должна быть *обязательным введением* в обучение любого исследователя, особенно сейчас (Будем вести речь, конечно, о психологии). Парадоксальное состоит уже в том, что Э.В. Ильенков

¹ Критикуя недостатки, мы исключаем добросовестные работы Е.Ю. Завершиновой и Ван дер Веера, особенно, добротню изданную и компетентно отредактированную книгу «Записные книжки Л.С. Выготского: Избранное». (Авт.)

приводит Марксово определение конкретного как «единства многообразного» и пишет: самое важное в этом определении заключается в том, что «конкретность» оказывается прежде всего чисто объективной характеристикой объективной реальности, предмета познания, *абсолютно* независимого от тех эволюций, которые имеют место в субъекте теоретического познания» (Ильенков, 2019, с. 29).

И ещё одна принципиально важная мысль Э.В. Ильенкова: «предмет сам по себе, «в себе», конкретен независимо от того, познаётся ли он мышлением или воспринимается органами чувств» (Ильенков, 2019, с. 29).

Конкретность предмета не создается его восприятием в сознании ни чувственной степенью познания, ни рационально-логической. Но мы-то знаем, что воспринимаем не единичное, а именно конкретное! Как это происходит? Э.В. Ильенков отвечает: «Естественно, что единственной логической формой, в которой человек может осознать объективную конкретность, оказывается не абстрактное единство, не абстракция, выражающая лишь «общее» в явлениях, а только единство *многообразных* определений, т.е. *система* абстракций, сложная совокупность абстракций. Система абстракций и оказывается единственно возможной формой существования истины в сознании человека. *Сознание должно быть столь же сложным, сколь сложен предмет*» (Ильенков, 2019, с. 29) (выделено нами – Н.П.).

В целом, это было центральная «точка» и Спинозы, и Маркса, и Ильенкова — сложность сознания, адекватная сложности конкретного предмета или явления. Это была и «точка» Л.С. Выготского, осложнённая тем, что в виде «конкретного» здесь выступило само сознание, сама психика человека. И от этой точки Лев Семёнович не отошёл ни разу. Что реально получается? «Субстанция» Спинозы конкретна или абстрактна? Безусловно, она вполне конкретна... напомним, что философия Спинозы – это не только *чистая* диалектика, но и чистый же *монизм*. Спиноза постулирует существование единой и бесконечной (добавим, — бесконечно сложной) субстанции, которая имеет бесконечное же число тоже вполне конкретных атрибутов и модусов. Из бесконечного количества атрибутов, считает Спино-

за, мы знаем только 2 — мышление (душа) и протяжённость (тело), которые являются, фактически ключевыми *свойствами* единой природы человека. А сам человек, как и все другие тела, есть модус, один из бесконечного количества модусов субстанции. (Субстанция, Бог, Природа – для Спинозы это синонимы). Поскольку душевное и телесное – не две *разные* субстанции, а всего лишь два свойства *одной* субстанции, «собранных» в модусе, то ни о каком дуализме, ни о каком *сверхъестественном* не может быть и речи — они суть одно и, следовательно, сущность их одна... Выготский сразу увидел, как просто исчезает навязшая в зубах «психофизиологическая проблема» (справедливости ради, отметим, что это увидели и Фрейд (Фрейд, 2000), и Юнг (Юнг, 1996)).

Нас интересует, познаваема ли субстанция?

До конца – *нет*, – ответ Спинозы однозначен (Спиноза, 2019). Но на уровне модуса — вполне познаваема. Но, всё-таки, конкретна или абстрактна субстанция? Конечно, абстрактна, ибо она — всё (в том числе и то, что содержится «в голове человека»)… Вот — мы дали два противоположных ответа, и оба — правильные.

Как быть?

Речь идет просто об «удвоении термина». Нам непосредственно дана абстракция (формально-логические значения и обобщения). При этом задана конкретика, как абстрактно-всеобщее исходное (и – «снятое!») противоречие («клеточка», «зёрнышко»), разворачивание которого позволит получить конкретно-всеобщее в его действительном значении (см. Л.С. Выготский (Выготский, 1982, 1983, 2001, 1987, 2015), Спиноза (Спиноза, 2019), В.В. Давыдов etc).

Почему Л.С. Выготский сразу и во всех случаях настаивает на анализе по «единицам»? Потому, что «единица» (в отличие от элемента) содержит в себе доступной для изучения, наипростейшей форме всё то, «разворачивание» чего (мысленное, на основании научных фактов полученное) позволяет получить истинно конкретное знание. У Спинозы это третья, наивысшая форма истинного знания, которую он называл интуитивной и доступной далеко не всем. Работа Л.С. Выготского с «единицами» показала доступность этого познания (В.В. Давыдов). Правда, следует отметить, что по-

зитивизм современного научного знания отбрасывает эту логику. В психологии и в психологических практиках это привело к поистине катастрофическим последствиям.

Чтобы действительно оценить поистине гигантскую работу Л.С. Выготского по поиску «единиц» анализа, необходимо еще немного философии.

И. Гете (для которого Спиноза был настоящим кумиром) поддерживает монизм весьма своеобразно: «человек природен – этим еще не сказано ничего, но без этого ничего не может быть сказано» (цит. по: Свасьян, 1989, с. 127). Говоря о научном познании живого (и – занимаясь этим реально), Гете приходит к интересным выводам: анализ, по его мнению, не может быть началом исследования, ибо он всегда произведен, вторичен и обусловлен. Анализ разрушает живое, справедливо считает Гете:

Во всём подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать (Гёте, 1997).

Поэтому анализу предшествует созерцание живой жизни: «смотри, он проходит мимо, прежде, чем я это увижу, и изменяется, прежде, чем я это замечу» (цит. по: Свасьян, 1989, с. 139). Гете прав стопроцентно, и мы это сейчас покажем. Но вначале – еще один штрих из Гете. Он считает, что живой орнализм отличается от любого механизма тем, что идея последнего находится вне его (в голове автора, в чертеже etc). Поэтому их можно изучать раздельно. А идея живого – в нем самом, неразрывна с ним (монизм Спинозы), и изучать их раздельно бессмысленно. Принцип живого – само оно как целое (ну, и конечно, он психологичен). Если учесть, что созерцание для Гете – не пассивно-отдыхательный процесс, а активная исследовательская деятельность, в которой я наблюдаю, как можно скрупулезнее и специально, *удерживаю себя* от анализа и быстрых выводов, мы имеем дело с самым современным способом познания в наиболее развитых науках (И. Пригожин пишет, что мы можем лишь отслеживать жизнь диссипативных систем, не трогая ее, не нарушая).

Очень важно это «удерживать себя» – этим

достигается объективность позиции, и здесь уже должна вестись речь о коллективном созерцании (но это далеко выходит за рамки нашей темы).

Фактически, у Э.В. Ильенкова мы находим ту же позицию, но как бы о-современенную.

Во-первых, в статьях о воображении и эстетической природе фантазии Э.В. Ильенков четко определяется – результатом созерцания есть конкретное, т.е. – всеобщее, и, в этом смысле, оно (созерцание) аналогично теоретическому обобщению, а теоретическое понятие (не эмпирическое) и ясный наглядный образ – это одно и то же (Ильенков, 2020а, 2020б). И это – верно! (Наверное, гений Л.С. Выготского не зря начинал с анализа искусства!)

Во-вторых, говоря фактически о второй фазе познания – собственно анализе, Э.В. Ильенков весьма строг. Он обращает внимание на то, что «многообразные определения есть... по своему объективному содержанию, также отражением предмета, но только *односторонним* его отражением» (Ильенков, 2019, с. 30) (отметим, что Л.С. Выготский считал, что определение должно быть не в начале исследования, а завершать его. Именно из-за односторонности). «Поэтому, – пишет Э.В. Ильенков, – «абстракция», «абстрактное» - в противоположность «конкретному» – это прежде всего категория, обозначающая *одностороннее* знание. При этом, естественно, безразлично, в какой субъективно-психологической форме это знание осуществляется» (Ильенков, 2019, с. 30); и «...нет ничего ошибочнее различать «абстрактное» и «конкретное» с точки зрения субъективно-психологической формы его выражения» (Ильенков, 2019, с. 30). «Только анализ знания по его содержанию может показать – имеем ли мы дело с «абстрактным» или с «конкретным» знанием. И здесь субъективно-психологический угол зрения на вещи должен быть строго отставлен в сторону» (Ильенков, 2019, с. 30). Здесь стоит задуматься: мы можем получить объективно-всеобщее (конкретное) знание, только отбросив субъективно-психологическую позицию... А мы этого сделать не сможем, потому как – субъекты и наделены психикой. Возникает вопрос, а есть ли вообще *объективное* знание, особенно в психологии, если кругом одна субъективность? Некоторые авторитеты, идя еще от Гуссерля и Дильтея, всерьез

считают, что – «нет». Л.С. Выготский сказал, что – «да». Но мы описали ситуацию, с которой он столкнулся и ее разрешение представляется весьма проблематичным. Но тем не менее... Надо немного вернуться к Спинозе. Его субстанция – конкретна или абстрактна, объективна или субъективна? Никаких «или», – заявляет авторитетный А.Ф. Лосев. В диалектике нет «или», есть – «и». Субстанция одновременно и конкретна (а значит, всеобще-объективна), и абстрактна (значит, одностороннее субъективна). Именно это – позиция Л.С. Выготского, который знал и любил (и понимал) Спинозу с юношеских лет. Но как же ее изучать, тем более изучать психическое?! Его «Гамлет» показывает, как мечется мысль молодого Л.С. Выготского. Трагедию эту кто только не изучал и как только не оценивал (от «непонятного взлета гениального Шекспира» – до самой неудачной его пьесы). Последняя оценка принадлежит не кому-нибудь, а Л.Н. Толстому. Объединяет всех критиков признание слабости, слабохарактерности (и даже – «бесхарактерности») главного героя, который нечто задумал (мечь), но так на нее и не решился... Л.С. Выготский понял Гамлета как просто умного человека и любящего сына, в котором соединяются абстрактное (односторонне-образное) и конкретное (всеобщее человеческое). Объединяются, благодаря гению Шекспира, особенно остро, до трагичности. Встретившись с этой экспликацией Шекспиром драматизма жизни человека, Л.С. Выготский мог понять, что изучать внутренний мир людей, раскладывая его на искусственно «назначенные» элементы (отдельности), т.е. – абстрактно, – не имеет никакого смысла. И он, видимо, под влиянием этих двух мощных факторов (трудов Спинозы и Шекспира), приходит к необходимости поиска *содержательных* единиц анализа. Ведь любая наука обязательно разделяет изучаемую реальность. Важно, *что* является реальным объектом анализа. Так Л.С. Выготский приходит к идее «единиц анализа» психики.

И снова немного Спинозы. Познаваема ли Субстанция (она же – Природа, она же – Бог), или – непознаваема? (и снова уберем «или», заменив его на «и»). Субстанция *и* познаваема, *и* непознаваема. Она познаваема, так сказать, по определению, поскольку имеет одним из атрибутов мышление (т.е., мощный инструмент познания). Кто же познает? Познает человек, как один

из модусов субстанции, но модус особый, обладающий двумя атрибутами субстанции – мышлением (душа) и протяженностью (тело). Что такое модус? Это наименьшая содержательная частица всей субстанции («единица»), вмещающая в себя каким-то невероятным образом всю субстанцию, т.е. вообще ВСЁ. Есть, кроме человека, и другие модусы, но лишь человек (во всяком случае, пока известно только это) активен («аффецирован», – говорит Спиноза). Эта аффецированность есть исходный источник познания, развития etc. *Что* же познает человек? Только субстанцию, жестко говорит Спиноза (Спиноза, 2019). Как вне, – так и внутри себя. Таким образом, приходим к единственно правильному выводу: в лице и с помощью человека субстанция познает саму себя (ибо больше познавать просто некого и нечего). Здесь противоречие: может ли, в таком случае, субстанция быть познана окончательно? Нет, говорит Спиноза, ибо она бесконечна и бесконечно-многообразна, «соткана» из противоречий и находится в вечном развитии, т.е. – изменении. Но, замечает Спиноза, все в мире происходит по законам субстанции (Природы) (Спиноза, 2019). Мы их просто не знаем и до конца не узнаем никогда. Отсюда следует, что и культура (совокупность артефактов), созданием которой мы так гордимся, создана по законам Природы, а не человека. Вот это всё – природно (субстанциально) есть главным, чего мы не хотим, не умеем актуально понять уже 400 лет. (Все намного усложнится, если добавить, что Спиноза утверждал, что Субстанция имеет не два, а бесконечное количество атрибутов, из которых нам, *пока*, известны только два). Открывается бездна и исчезают иллюзии... Вот в этом смысле субстанция – непознаваема.

Однако, необходимо оставить уникальность Спинозы и его философии (хотя и жалко). Л.С. Выготский понял Спинозу как никто другой. И, в частности, понял, что человек – «единица» субстанции с особыми «полномочиями», а «единица» есть в любом объекте, и только «выйдя» на неё, мы можем что-то содержательно об этом объекте узнать. Другими словами, познание конкретно-всеобщего должно опираться на методологему о конкретном как содержательной единице объекта познания.

Итак, общий путь понятен – философско-

методологическое представление об объекте (абстрактное) – созерцание – анализ – нахождение конкретно-всеобщего – практика – новая методология и т.д. – спираль познания.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья. Изучение всех доступных работ Л.С. Выготского и его аналитиков и интерпретаторов (снова подчеркнем содержательность, добросовестность и важность работ Е.Ю. Завершневой) позволяет предположить следующее. Задача (сверхзадача) – построение (разворачивание) конкретной психологии человека как модуса («единицы») субстанции. «Конкретной» – означает – «вырастающей» из собственной «единицы» (как конкретно-всеобщего). *Всё*, что делалось Л.С. Выготским реально, работало на решение этой задачи. И дело не в хронологии. Дело в проблемах, с которыми он сталкивался на этом пути и которые решал (и решил!)

Цель статьи – представить результаты теоретического анализа диалектики абстрактного и конкретного в научном творчестве Л.С. Выготского.

Научное обоснование методологии проведенного исследования. Исследование выполнено в рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского и философских ориентиров Б. Спинозы.

Изложение основного материала исследования. В начале надо было научиться думать и понимать в логике Спинозы. Это трудно. И Л.С. Выготский вводит в группу, как сам он пишет, «монастырский режим», при котором некоторое время все факты и работы других ученых анализируются *только* в этой логике. В частности, следовало глубоко осознать монизм Спинозы и на деле его реализовать (это, однако, удалось только самому Л.С. Выготскому, и то в самом конце его недолгой жизни). Хотя по сути его работы сами выстроены на этой логике. Ее, кстати, принять очень трудно и сейчас – принять, что душа и тело – это не две разные субстанции, а всего лишь два (из многих) свойства *одной* субстанции – современным психологам не удастся. Это потому, что приходится буквально повернуть всю психологию на 180°, т.е. поставить с головы на ноги... Не хочет наша мысль смириться с этим. Ведь это означает, что надо просто выбросить как ирреальную, «вечную» психофизическую проблему, а скажем,

психосматику считать просто синонимом конкретной психологии человека... В-общем, надо все подвергать серьезнейшей реконструкции. Первая попытка Л.С. Выготского в этом направлении – работа «Психика, сознание, бессознательное» (Выготский, 1982). Исследователи считают главным в этой работе признание Л.С. Выготским бессознательного (и его благодарность Фрейдю) и развенчание «психофизической проблемы» как надуманной. Нам кажется, что названное важно, но главное для Л.С. Выготского здесь было другое (то, что не захотели заметить и не хотят до сих пор). Он *разводит* понятия «психика» и «психология», но не в общепотребимом смысле (первое – объект изучения, а второе – наука, изучающая этот объект). Л.С. Выготский пишет здесь о «психике» как о чем-то ирреальном, т.е. не существующем, пусть оно называется «душа» или еще как-либо. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский очень жестко ставит этот вопрос – если что-то не может быть изучено, значит его нет... (Выготский, 1982) «Психология» – понятие, объединяющее два атрибута (дух и тело), и реально представляет собой единство идеального (психического) и материального (физиологического). Именно это единство потом будет названо «психологическая жизнь человека» – как предмет конкретной психологии человека. Иными словами, изучаться должно единство «мышления и протяженности» – души и физиологии. Л.С. Выготский не изучает психологию *так*, но идет к этому через введение понятия межфункциональных психологических систем. Лишь в самых последних работах он вернулся к этой идее и реализовал ее, чему предшествовал длительный период практической работы с аномальными детьми. Увы, это направление получило продолжение только в медико-психологической школе А. Р. Лурии. А между тем – это и есть настоящий ключ к конкретной психологии человека. А.Ф. Лосев жестко сформулировал это: «душа всегда должна иметь тело. Или есть душа, тогда есть и тело; или тела нет, тогда нет и никакой души» (Лосев, 1991, с. 124) (выделено Лосевым). Мне самому еще трудно «ухватить и удержать» эту совершенно новую (неизведанную) науку, азы которой открыл Л.С. Выготский. Он знал. Он вовсе не зря написал в двух больших работах («Исторический смысл психо-

логического кризиса» (Выготский, 1982), «Диагностика и педологическая клиника трудного детства» (Выготский, 1983)) об особых требованиях (и обязательных!) к профессиональным психологам (неважно, «теоретик» ты или «практик»). Это требование – диалектически мыслить: сначала *видеть* факт в существующих «в голове» парадигмальных рамках и формально обобщать (абстрактное), затем – созерцать, анализировать и обобщать теоретически, получая в итоге абсолютно новое знание об изначальном факте (конкретно-всеобщее). Честно признаться, в психологии я наблюдаю такое мышление только у Л.С. Выготского, З. Фрейда и (отчасти) В.В. Давыдова. Это, конечно, Спинозизм чистой воды, но такими Спинозистами были Фихте, Гегель, Маркс, Бергсон и многие другие интереснейшие философы (среди более современных отечественных можно назвать А.Ф. Лосева, Э.В. Ильенкова).

Если вдуматься, речь идет о совершенно *непривычном* для человека способе мышления. Поэтому начинания Л.С. Выготского не имели и не имеют продолжения².

Поиск этой «клеточки», т.е. конкретного как абстрактно-всеобщего, касался *всей* психологической реальности человека. Поэтому Л.С. Выготский и захватил *все* области психологии, оставив везде действительно гениальные идеи. Но он вовсе не метался и не разбрасывался – он шел к цели, «продираясь» через обыденность в психологии (пусть Гамлета?).

Важна и терминология. Так, в связи с упоминаемой работой, мы поддерживаем точку зрения Е.Ю. Завершневой о том, что издатели неверно употребляют в работах Л.С. Выготского термины «психическое» и «психологическое». Ведь Л.С. Выготский определился: изучается *психологическое*, а не психическое (дух). Значит – *психологические* процессы и явления, *психологические* системы и свойства etc. (Наверное, с этим надо еще работать).

Обратим внимание, также, на то, что Л.С. Выготский настойчиво употребляет словосочетание «психологические функции» – не свойства, не явления,

а именно *функции*. К чему бы это? Нам представляется, Л.С. Выготский глубоко убежден: выражения «изучать не как вещь, а как процесс», «понять сущность факта (функции) можно, лишь изучив его в развитии» – не общие, расхожие сочетания, а то, на чем реально и жестко должна строиться конкретная психология человека. Тем самым, Спинозовское понимание вечного развития становления становится даже не принципом – самой тканью предмета исследования. И это не только фило- и онтогенез, развитие идет всегда и так появляется представление о бесконечном и сиюсекундном развитии (последние работы о системах). Сейчас это называют актуалгенезом, но не знают и не учитывают это, самую суть, ни в научных исследованиях, ни в практике.

...Да, Л.С. Выготский не успел написать второй том о Спинозе. Но он успел ответить на ключевой вопрос любой науки – «как?» Спиноза был непростым философом (Э.В. Ильенков писал, что Спиноза и философия – эти слова уже стали синонимами). Спиноза думал и излагал, оставляя обширное поле деятельности специальным наукам. Чуть ли не мистическое было в том, что он излагал *верные* мысли, но решать вопрос, *как* это происходит, он не собирался (да и прожил он очень мало, и в этом – трагическое сходство его с Л.С. Выготским). Что получилось?

Спиноза говорит о вечном движении, изменении, развитии Субстанции (Природы, Бога), – Л.С. Выготский делает развитие не принципом (как считают методологи), а самой тканью, объектом исследования.

Спиноза говорит о единой (а не двух, как Декарт) субстанции, Л.С. Выготский превращает *монизм* в краеугольный принцип науки о психологическом.

Спиноза говорит (очень хитро и путано) о детерминизме (вернее, его отсутствии) Он пишет так – любой модус субстанции испытывает воздействия других модусов, которые, в свою очередь, испытывают воздействие «третьих» и так до бесконечности. Итог – субстанция детерминирует саму себя, и уже ничто другое ее не детерминирует (его просто нет). Л.С. Выготский находит и превращает в принцип науки то, что

² Вот, как ни странно, современной физика и математика – явно Спинозистские, и пришли они к этому, не философствуя (в плохом смысле), а тщательно изучая действительность. (Авт.)

психологическое детерминирует само себя (психологическая детерминация, аутоstimуляция, индетерминизм, он же – свобода). Л.С. Выготский так и пишет, что главная проблема всей психологии – свобода. И показывает на эмпирическом материале, что представляет собой свободное действие. Так возникает второй общеметодологический принцип психологии как науки – принцип индетерминизма или свободы. Спиноза действительно абсолютизировал свободу, заявляя, что модус «человек» имеет два полярных вида состояния: раб и свободный.

...Мы должны оговориться. Конечно, у Л.С. Выготского нет специальных работ, посвященных разработке принципов психологии. То, что у нас получается – результат *нашего* анализа. Оно даже не может, а должно стать предметом дискуссии, и мы сознательно на это идем...

Л.С. Выготский, на пути от абстрактного к конкретному, реализует еще одно содержательное высказывание Спинозы. Речь – о взаимопереходе проблемы в постулат и обратно. Л.С. Выготский абсолютно верно замечает, что психологи склонны превращать проблему в постулат, и это закрывает путь и лишает смысла многие исследования (такое же положение и в современной психологии; например, проблема сознания превращена в постулат и исследованием сознания просто не занимаются).

Итак, Л.С. Выготский работает в направлении все большей конкретизации всеобщего. И закономерно возникает проблема систем (первая работа об этом – в 1930 г., «О психологических системах» (Выготский, 1982)). Почему именно она возникает, видно из записных книжек Л.С. Выготского (Записные книжки..., 2017). Он понимает, что два атрибута упорно продолжают восприниматься как две субстанции, два начала, и это обрекает психологию или на вульгарный биологизм, или на вульгарный же теологизм... Для него это недопустимо. Следует диалектическое разрешение антиномии. Есть третья, заявляет Л.С. Выготский, это третья – системы. Конечно, системы Л.С. Выготского – это вовсе не так называемый системный подход в советской психологии. Это нечто совершенно уникальное, и очень сложное (это понял, кажется, только А.Р. Лурия).

Нам представляется, работа 1930 г. «О психологических системах» (Выготский, 1982) есть краеугольный камень, интегрированное начало завершения глобального поиска Л.С. Выготского. Мы склонны считать ее фундаментальной (и этим – отличной от других содержательных работ, которые – только «ступеньки»). Идея остается – поиск единства природы психологического. Это единство видится в сложнейшей взаимосвязи биологического и психического атрибутов и связей внутри самого психологического. Глобальность задачи действительно захватывает. Появляется третий, завершающий элемент проблемы систем и психологии в целом – взаимодействие с социальным окружением (культурно-историческим).

Л.С. Выготский здесь-то и пишет, что психологи давно знают о том, что отдельные психологические функции взаимодействуют между собой, с биологическими функциями и с культурой, но эти знания просто постулируются и не исследуются должным образом, а в них-то (связях) – всё дело (видны проблески будущих проблем единства аффекта и интеллекта, но до этого еще много будет сделано). К этому времени проблема взаимосвязи психики и культуры как аспект глобальной проблемы была уже решена (но лишь как аспект, полностью она не решена и сейчас).

Л.С. Выготский говорит: «...то, что я собираюсь сообщить, превосходит по сложности систему понятий, с которыми мы оперировали до сих пор... мы чрезвычайно упрощаем проблему исключительной сложности. Я хотел бы напомнить, что это движение ко все более и более сложному пониманию изучаемых нами проблем не случайно, а заключено в определенном пункте нашего исследования» (Выготский, 1982, с. 109). Нам кажется, мы адекватно поняли этот пункт (исходное конкретно-всеобщее), и Л.С. Выготский этой фразой сказал (молча) о том, что он уже знает, куда и как надо идти. Необходимым этапом продвижения является изучение межфункциональных психологических систем (МПС).

Мы не будем здесь тщательно анализировать учение Л.С. Выготского о межфункциональных психологических системах; тем более, что это в науке еще вообще не анализировалось. Отметим лишь главное (с нашей точки зрения) в движении описанной логики.

Межфункциональными психологическими системами Л.С. Выготский называет «те сложные связи, которые возникают между отдельными функциями в процессе развития и которые распадаются или претерпевают патологические изменения в процессе распада» (Выготский, 1982, с. 110). Речь идет о постоянном движении, настолько постоянном, что даже понятие Л.С. Выготский рассматривает как межфункциональную психологическую систему (в записных книжках он говорит о понятии как о мелодии). Л.С. Выготский здесь говорит и об онтогенезе и об индивидуальных различиях, признавая, что это – основанная мысль, «которую я несколько лет вынашивал, но не решался до конца высказать» (Выготский, 1982, с. 131). Выходит – мы правы, он строил *эту* психологию...

И, наконец: «Мне кажется, что системы и их судьба – в этих двух словах для нас должны заключаться альфа и омега нашей ближайшей работы» (Выготский, 1982, с. 131).

Итак, решимся сказать, что мы правильно поняли позицию Л.С. Выготского. Ему системы нужны были не сами по себе. Ему были важны две вещи: доказать что высшая психология устроена именно так, и сделать шаг к обнаружению все-таки исходной конкретно-всеобщей единицы. И он это сделал.

Вообще, если сравнить анализируемую работу с работами 1934 года (4 года!) – поражает и восхищает (ошеломляет) работоспособность и гениальность мышления Л.С. Выготского.

В итоге оказывается, что межфункциональные психологические системы включают в себя не только составляющие высших психических функций, но и натуральные функции, биологические и культурные, т.е. – все, что входит в понятие «психологическая жизнь человека». Систем много, но они объединены между собой, и с появлением мышления в понятиях образуют *смысловую динамическую систему* (СДС).

Системы постоянно в динамике, устанавливаются и разрушаются связи, изменяется само содержание этих связей, в каждом возрасте, в каждом событии в системах возникает адекватное центральное звено. Все это (поразительно) доказано с помощью эмпирического материала. Но в наше время главным является другое. Системы (по Л.С. Выготскому) *саморазвиваются*

«сами» (иногда вопреки воле человека), выбирают направление движения, *само-организуются*, проходя этапы относительно спокойные и кризисные, и, главное, они самодетерминируются. Вот это все, с одной стороны, подтверждает полностью учение Спинозы о субстанции, а с другой, приближает смысловые динамические системы к диссипативным системам синергетики и современной физики. При жизни Л.С. Выготского о *таком* устройстве мира еще никто не знал. И вот именно здесь он опередил время и реально превратил конкретную психологию в *естественную науку*. Естественную не в смысле – биологическую, а в смысле того, что психологическая жизнь была объяснена из себя самой и не нуждалась больше ни в каких оккультных объяснениях. Более того, Л.С. Выготский создал учение о локализации смысловых динамических систем в мозге (биология), теперь уже навсегда похоронив «психофизический параллелизм». Очень жалко, что ученики и «последователи» прошли мимо систем, психология сейчас могла быть совсем другой. Но есть еще время: «Кость еще не брошена», – сказал И. Пригожин.

Таким образом, определился еще один фундаментальный принцип психологии – принцип системности. Но это было еще не все: для нахождения искомого конкретного необходимо было разобраться в содержании связи аффекта и интеллекта. Л.С. Выготский, вопреки расхожему мнению, это сделал.

Но здесь опять следует начинать со Спинозы. Среди многочисленных последователей и интерпретаторов философии Спинозы лишь единицы решались объяснить учение его об аффектах, хотя сам он придавал этому решающее значение. Вообще, Спиноза, пожалуй, единственный из крупных философов, затронул тему аффекта, пытаясь объяснить суть существования человека. Остальные ограничивались «экскурсами» в мышление и сознание, предпочитая не трогать «тонкую материю». Так эмоция и стала «Золушкой» психологии.

Спиноза это сделал.

Вначале – о терминологии. Слово «аффект» во времена Л.С. Выготского (как, впрочем, и Спинозы) обозначало *единство* мотивационной и эмоциональной составляющих психологической жизни человека, а не отдельное эмоциональное состояние, как теперь. И это было, на наш взгляд, весьма продуктивно, т.к. сфера

действительно одна, а единого термина так и нет. Мы здесь будем придерживаться традиции Спинозы и Л.С. Выготского.

Почему об этом возникает вопрос? Потому, что Л.С. Выготскому явно не хватало звена в психологии человека, которое завершило бы всеобщую искомую конкретность. Это – звено, о-живляющее человеческое существо: оно – движущая сила, чувствительность и самоосознание «в одном лице». Это-то недостающее звено и есть аффект.

Спиноза постулирует исходное наличие у человека состояния «аффектированности», имея в виду единство источника активности и чувствительности (Спиноза, 2019). Мы тут не претендуем на исчерпывающий анализ, но, кажется, именно этого понимания не доставало аналитикам. Итак, аффектированность – *состояние* аффекта, порождающее активность, в которой он разрешается. Но, конечно, поскольку аффективны все модусы субстанции (в данном случае, люди), одновременно идет процесс роста аффектированности, вызванного активностью других людей. Итак, аффект – вечен (для человеческой жизни). Отсюда двойная динамическая сущность человека – *потенция* и *претерпевание*. Обе они порождают действие. По Спинозе, *действие* – это образ вещи, с которой сопряжен образ действия. Здесь, конечно, сразу возникает масса именно психологических проблем, но мы их оставляем, как не входящие в нашу цель. Нас интересует аффект как сущность существования модуса «человек» (не забудем, что аффект – подлинное единство мотива (потребности) и эмоции).

Спиноза отбрасывает понятия «сознание», «добро и зло». Первое он справедливо считает иллюзией и предпочитает ему *мышление*. Добро и зло он опять-таки справедливо считает пустыми и ложными абстракциями, навязанными церковью. Спиноза предпочитает им конкретно-человеческое «плохое» и «хорошее». Все аффекты он разделяет на плохие и хорошие. Первые порождают *страсти* (страдание, уныние, страхи etc), вторые – *чувства* (радость, восхищение, активность).

Индивид, – считает Спиноза, – это, прежде всего сингулярная сущность, т.е. – степень *могущества*.

Такой сущности соответствует характерная

связность (структура личности, – сказали бы мы сейчас).

А такой степени могущества – определенная особенность быть аффектированным (мотивированным). Эта особенность описывается как *готовность*.

Спиноза описывает два типа аффектов: *первый* порождает действия, которые объясняются самой природой аффектированного индивида и проистекают из его сущности; *второй* порождает страдания, которые порождаются извне. Это очень важно! Встреча двух индивидов (двух разных связностей), связности которых максимально подходят друг другу – есть сотрудничество, дружба, любовь. И это способствует продуцированию изнутри позитивной аффектации и новых действий. Если же связности слишком разные, возникают (извне!) конфликты и страдания. В этом – гуманизм Спинозы – всё плохое (страсти и даже смерть) привходит извне. Человек же сам внутри аффектирован добром. Здесь очень важна *встреча*. Отметим, что очень близко подошел к этому К. Роджерс (Роджерс, 1994).

И наконец, Спиноза ставит вопросы и дает на них ответы:

- Как добраться до *радостных* проявлений страстей и *свободных* чувств, если Природа (в его понимании) дает нам скорее негатив?
- Как мы умудряемся сформировать адекватные идеи, из которых и появляются активные чувства?
- Как стать сознающим себя, Бога (Природу), смиряясь с наличием необходимости?

Ответ Спинозы однозначен – с помощью мышления (о-смысления). Страсти побеждаются и преобразуются интеллектом и становятся *хорошими* и разумными.

Эту связку увидел и подхватил Л.С. Выготский. Он уже в первой работе об искусстве (а также в реферате о Гамлете) пишет об «умных эмоциях». Видит он и обратную связь – «как идея становится страстью» (Записные книжки..., 2017).

В учении Спинозы заложена идея укорененного *драматизма* человеческой жизни, и Л.С. Выготский почти в каждой работе об этом вспоминает («драма развития» etc). Драма (трагедия) была и в самом начале («Гамлет»).

Выводы. Это был завершающий шаг в открытии конкретного всеобщего в психологической жизни человека. В последней напечатанной работе об умственной отсталости Л.С. Выготский, полемизируя с К. Левиным и не замечая еще этого, делает важнейшее открытие – содержания отношения аффекта и интеллекта. Это отношение охватывает всю личность, оно постоянно изменяется по содержанию и оно-то и есть главный ключ к пониманию человека. Он показывает, как это работает. «Это» было совсем новым (динамическая, вечно движущаяся и независимая единица) и требовало названия. Л.С. Выготский в последней своей учебной лекции назвал эту «единицу» – переживанием. Здесь же, на полутора страницах он раскрыл основные его особенности: оно находится на «границе» внутреннего и внешнего мира человека, оно предметно, соединяет в себе сознание и бессознательное, одновременно постоянное (у нас в любой момент есть какое-то переживание) и дискретное (переживания – разные). Переживание есть миг, в котором напряженно-драматически соединяется всё содержание психологической жизни человека и освещается смыслом...

Таким образом, антиномия «аффект – интеллект» разрешается в смысле. Последний мы понимаем как единство всех явлений сознания и бессознательно-го, актуализирующихся в данном событии.

Таким образом, смысл (единство аффекта и интеллекта) и есть то всеобщее конкретное, которое диалектически открыл Л.С. Выготский как суть психологической жизни. Смысл, в таком его понимании, можно считать завершающим принципом психологии как науки.

...Гамлет ищет смысл происходящего. Он аффектирован, но хорошее и плохое (терминология Спинозы) сплелись в один противоречиво-трагичный ком... Смысла нет. Он настолько напряжен, аффектирован и сосредоточен на решении внутренних противоречий, что столкновение его связности (Спиноза) с другими связностями приводит к их гибели. Количество смертей растёт, виноват ли он в этом? Гамлет *переживает*. Он христианин и не должен верить в привидения, но языческие корни еще остались и *заставляют* верить. В итоге, он *не знает* – верить или не верить Тени... Он любит и ненавидит мать одновременно. Он, как все,

боится убийства и жаждет мести. Он ищет и не находит... Переживание извне (!) прерывает смерть...

Последние слова Л.С. Выготского перед кончиной – «Я готов»... Мы не можем судить о том, что он сказал. Но как ученый он сказал, что понял, и успел это донести до нас...

Дальнейшее – молчание. Увы...

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением и реализацией идей Л.С. Выготского в психологической науке и практике и дальнейшей разработкой культурно-исторической теории в психологии.

References:

- Freud, Z. (2000). *Tolkovanie snovidenij: Sb. proizvedenij* [The Interpretation of Dreams: Collected Works]. Moskva, Rossija: JeKSMO-Press. [in Russian].
- Gete, G. (1997). *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moskva, Rossija. [in Russian].
- I'lenkov, Je.V. (2019). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [The dialectics of abstract and specific in scientific-theoretical thinking]. *I'lenkov Je.V. Sobranie sochinenij. T. 1. [Collected works. Vol. 1]*. Moskva, Rossija: Kanon+. Pp. 23-353. [in Russian].
- I'lenkov, Je.V. (2020a). *Voobrazhenie* [Imagination]. *I'lenkov Je.V. Sobranie sochinenij. T. 3. [Collected works. Vol. 3]*. Moskva, Rossija: Kanon+. Pp. 185-206. [in Russian].
- I'lenkov, Je.V. (2020b). *Ob esteticheskoj prirode fantazii* [On aesthetic nature of imagination]. *I'lenkov Je.V. Sobranie sochinenij. T. 3. [Collected works. Vol. 3]*. Moskva, Rossija: Kanon+. Pp. 84-135. [in Russian].
- Jung, K. G. (1996). *Problemy dushi nashego vremeni* [The problems of soul in our times]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa „Progress”. [in Russian].
- L.S.Vygotskij: *nachalo puti: Vospominanija S.F.Dobkina o L'Ve Vygotskom* [Publikacija, redakcija, predislovie i komentarii I.M.Feigenberga]; *Rannie stat'i L.S.Vygotskogo (1996)* [L.S.Vygotsky: the way he started: S.F.Dobkin's Memoirs [Prepared publication, edited and annotated by I.M.Feigenberg]; L.S.Vygotsky's early essays]. Jerusalem, Israel: Jerusalem Publishing Centre. [in Russian].
- Losev, A.F. (1991). *Dialektika mifa* [The dialectics of myth]. *Losev A.F. Filosofija. Mifologija. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moskva, Rossija: Politizdat. Pp. 21-186. [in Russian].
- Rodzher, K. R. (1994). *Vzgljad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka* [The perspective towards psychotherapy. On becoming a person]. Moskva: Izdatel'skaja gruppa „Progress”, “Univers”. [in Russian].

- Spinoza, B. (2019). *Jetika [Ethics]*. Sankt-Peterburg, Rossija: Azbuka, Azbuka-Attikus. [in Russian].
- Svas'jan, K.A. (1989). *Iogann Volfgang Gete [Johann Wolfgang von Goethe]*. Moskva, Rossija: Mysl'. [in Russian].
- Vygotskij, L.S. (1982). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. [Collected works: in 6 vol. Vol. 1]*. Moskva, Rossija: Pedagogika. [in Russian].
- Vygotskij, L.S. (1983). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5. [Collected works: in 6 vol. Vol. 5]*. Moskva, Rossija: Pedagogika. 368 p. [in Russian].
- Vygotskij, L.S. (2001). *Igra i ee rol' v psihicheskom razvitii rebenka [The game and its role in the psychological development of a child]. Psihologija razvitija [Developmental psychology]*. Sankt-Peterburg, Rossija: Piter. S. 56-79.
- Vygotskij, L.S. (2015). *Tragedija o Gamlete, prince Datskom, V. Shekspira [W.Shakespeare's Tragedy about Hamlet, Prince of Denmark]. Vygotskij L.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. T. 1. [Complete collected works in 16 vol., Vol. 1]*. Moskva, Rossija: Lev'. pp. 77-306. [in Russian].
- Vygotsky, L.S. (1987). *Psihologija iskusstva [The psychology of art]*. Moscow: Pedagogika. [in Russian].
- Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [L.S. Vygotsky's notebooks. Selected works] (2017). Pod. obshej redakciej E. Zavershnevoj i R. Van der Veera. [Edited by E. Zaverszneva, R. Van der Veer]. Moscow: Kanon. [in Russian].

Mykola Papucha

D.Sc. in Psychology, Prof., Mykola Gogol State University in Nizhyn, Nizhyn (Ukraine)

THE DIALECTICS OF THE ABSTRACT AND SPECIFIC IN L.S.VYGOTSKY'S WORKS

ABSTRACT

The article analyzes the complex interaction of the abstract and specific in L.S.Vygotsky's works. The specific is analyzed as a unity in diversity, as a complex, contradictory, heterogeneous and nonlinear-logic unity. We have proven that L.S.Vygotsky, searching for such content-rich specific that can be a «cell» in psychology, implemented actually the idea of systematicity in psychology. The advantages of «unit analysis» are explicated in view of the fact that a «unit» (unlike an «element») includes the most simple as well as learnable form of everything that in its «unfolded» state (mentally, on the basis of accumulated scientific facts) allows getting truly specific knowledge. The general way of cognition is pointed out: a philosophical and methodological idea about an object (abstract) -

contemplation - analysis – finding of specific-universal - practice - new methodology etc. – the spiral of cognition. A task (supertask) of L.S.Vygotsky's cultural and historical theory was to build (to unfold) the specific human psychology as a modus («unit») of substance. Methodological principles of monism, indeterminism and systematicity are described as fundamental ones in psychology. L.S.Vygotsky's works highlight Spinoza's understanding of eternal development, so the concept of development becomes even not a principle but the fabric of a study subject in Vygotsky's theory. The inner unity of psychology is explained as the most complex relationship of biological and psychical attributes and connections within the psychological domain. Inter-functional psychological systems include not only components of higher mental functions but also natural, biological and cultural ones, namely everything that is covered by «a human being's psychological life» as a concept. There are many systems, but they are interconnected, forms semantic dynamic systems after emergence of conceptual thinking. We should mention that relations embrace all human personality, they are constantly changes as for their essence and they are the main key to understanding of a human being. «Affect – intellect» antinomy is understood in the sense that all the phenomena from both conscious and unconscious domains, being actualized into an event.

Keywords: abstract, specific, dialectics, system, indeterminism, L.S.Vygotsky, cultural and historical theory.

Пануча Николай Васильевич

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и практической психологии, Нежинский государственный университет имени Н.В. Гоголя, г. Нежин (Украина)

ДИАЛЕКТИКА АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается сложное взаимодействие абстрактного и конкретного в научных идеях Л.С. Выготского. При этом конкретное анализируется как единство многообразного, единство сложное, противоречивое, гетерогенное и связанное нелинейной логикой. Доказывается, что Л.С. Выготский реально внедряет в психологию идею системности, именно в поисках

того содержательного конкретного, которое является «клеточкой» психологического. Обосновываются преимущества «анализа по единицам» ввиду того, что «единица» (в отличие от элемента) содержит в себе в доступной для изучения, наипростейшей форме всё то, «разворачивание» чего (мысленное, на основании научных фактов полученное) позволяет получить истинно конкретное знание. Намечается общий путь познания: философско-методологическое представление об объекте (абстрактное) – созерцание – анализ – нахождение конкретно-всеобщего – практика – новая методология и т.д. – спираль познания. Предполагается, что задача (сверхзадача) культурно-исторической теории Л.С. Выготского – построение (разворачивание) конкретной психологии человека как модуса («единицы») субстанции. Описываются методологические принципы монизма, индетерминизма и системности как основополагающие в психологии. В теории Л.С. Выготского спинозовское понимание вечного развития становления становится даже не принципом – самой тканью предмета исследования. Рассматривается единство природы психологического, состоящее в сложнейшей взаимосвязи биологического и психического атрибутов и связей внутри самого психологического. Показано, что межфункциональные психологические системы включают в себя не только составляющие высших психических функций, но и натуральные функции, биологические и культурные, т.е. – все, что входит в понятие «психологическая жизнь человека». Систем много, но они объединены между собой, и с появлением мышления в понятиях образуют смысловую динамическую систему. Отмечается, что отношение охватывает всю личность, оно постоянно изменяется по содержанию и оно-то и есть главный ключ к пониманию человека. Антиномия «аффект – интеллект» разрешается в смысле, который понимается как единство всех явлений сознания и бессознательного, актуализирующихся в данном событии.

Ключевые слова: абстрактное, конкретное, диалектика, система, индетерминизм, культурно-историческая теория, Л.С. Выготский.

Папуша Микола Васильович

Доктор психологічних наук, професор, завідувач кафедри загальної та практичної психології, Ніжинський державний університет імені Миколи Гоголя, м. Ніжин (Україна)

ДИАЛЕКТИКА АБСТРАКТНОГО ТА КОНКРЕТНОГО У ТВОРЧОСТІ Л.С. ВИГОТСЬКОГО

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається складна взаємодія абстрактного та конкретного в наукових ідеях Л.С. Выготського. При цьому конкретне аналізується як єдність різноманітного, єдність складна, суперечлива, гетерогенна і пов'язана нелінійною логікою. Доводиться, що Л.С. Выготський реально впроваджує в психологію ідею системності, саме у пошуках того змістовного конкретного, яке є «клеточкою» психологічного. Обґрунтовуються переваги «аналізу за одиницями» з огляду на те, що «одиниця» (на відміну від елементу) містить у собі в доступній для вивчення, найпростішій формі все те, «розгоргання» чого (мисленнєве, на підставі наукових фактів отримане) дозволяє отримати справді конкретне знання. Намічається загальний шлях пізнання: філософсько-методологічне уявлення про об'єкт (абстрактне) – споглядання – аналіз – знаходження конкретно-загального – практика – нова методологія і так далі – спіраль пізнання. Передбачається, що завдання (надзавдання) культурно-історичної теорії Л.С. Выготського – побудова (розгоргання) конкретної психології людини як модусу («одиниці») субстанції. Описуються методологічні принципи монізму, індетермінізму і системності як засадничі в психології. У теорії Л.С. Выготського спиновіське розуміння вічного розвитку становлення стає навіть не принципом – самою тканиною предмета дослідження. Розглядається єдність природи психологічного, що полягає в складному взаємозв'язку біологічного і психічного атрибутів та зв'язків усередині самого психологічного. Показано, що міжфункціональні психологічні системи включають не лише складові вищих психічних функцій, але і натуральні функції, біологічні і культурні, тобто – все, що входить в поняття «психологічне життя людини». Систем багато, але вони об'єднані між собою, і з появою мислення в поняттях утворюють смислову динамічну систему. Відзначається, що відношення охоплює усю особистість, воно постійно змінюється за змістом і воно якраз і є голов-

ним ключем до розуміння людини. Антиномія «афект - інтелект» вирішується в сенсі, який розуміється як єдність усіх явищ свідомості і несвідомого, що актуалізуються в цій події.

Ключові слова: абстрактне, конкретне, діалектика, система, індетермінізм, культурно-історична теорія, Л.С. Виготський.

Дата отримання статті: 11.09.2020

Дата рекомендації до друку: 21.10.2020

Дата оприлюднення: 30.10.2020